

Н. Никольский

Царь Давид и псалмы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Никольский**
Царь Давид и псалмы / Н. Никольский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
84 с.

ISBN 978-5-458-56004-7

ISBN 978-5-458-56004-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Царь Давидъ и псалмы.

I. Введение.

Еврейская литература не въ примѣръ прочимъ литературамъ древняго міра пользуется у насъ широкою, хотя въ то же время и странной извѣстностью. На школьной скамьѣ мы знакомимся съ произведеніями греческой и римской литературы; но тѣ изъ насъ, кто впослѣдствіи становится далеко отъ филологіи и исторіи, скоро теряетъ тѣ жалкіе отрывки знанія античныхъ классиковъ, которые даетъ современное гимназическое преподаваніе; самое большее, въ памяти удерживаются крайне неопредѣленные представленія о гомеровскомъ эпосѣ и, быть можетъ, о Титѣ Ливіи. На школьной же скамьѣ насъ знакомятъ и съ еврейскою литературой, но это знакомство имѣетъ специфическій характеръ, и благодаря этому оно долѣе и тверже, хотя и крайне прічудливо, хранится въ памяти. Ранняя христіанская церковь признала іудейскій канонъ, т. е. бо́льшую часть произведеній древней еврейской и іудейской литературы, божественнымъ откровеніемъ, ветхимъ заветомъ рядомъ съ новымъ заветомъ, образовавшимся постепенно изъ произведеній христіанской литературы. Церковь создала, а традиція сохранила до нашихъ дней и во всѣхъ церквахъ представленіе, что христіанство вышло изъ іудейства, которое есть предуготовительная къ христіанству ступень. Исходя изъ этого представленія, христіанская мысль прибѣгала къ помощи оригинальнаго метода толкованія произведеній еврейской литературы, чтобы примѣнить ее къ оправданію и доказательству основныхъ христіанскихъ догматовъ: къ методу отысканія таинственнаго скрытаго смысла тѣхъ или иныхъ мѣстъ еврейской литературы, которыя такимъ путемъ пріобрѣтали значеніе христологическихъ пророчествъ и прообразовъ. Съ этой

точки зрѣнія цѣлый рядъ не только мѣстъ, но и персонажей и событій, описываемыхъ въ еврейской литературѣ, приобрѣлъ совершенно неожиданный смыслъ. Мы всѣ ихъ знаемъ: это и судьба младенца Моисея, и сорокалѣтнее странствованіе евреевъ по пустынѣ, и мѣдный змѣй, и борьба Давида съ Голиафомъ, и Даниилъ во рву львиномъ, и Иона во чревѣ «кита» (собств. *большой рыбы*), и эротическая «Пѣснь Пѣсней», и безчисленные цитаты изъ пророковъ. А въ завершеніе всего, наивное сказаніе о раѣ и грѣхопадѣніи (Быт. II, 2-а—III), носящее очевидное вавилонское вліяніе и даже, быть можетъ, заимствованное изъ вавилонскаго цикла сказаній о началѣ міра и человѣчества, было истолковано, какъ прологъ великой драмы спасенія людей чрезъ Христа, сына божія, который своею смертію, какъ безгрѣшный, удовлетворилъ божественную справедливость, ставъ замѣстителемъ всѣхъ людей, которые когда бы то ни было вѣрили, вѣрять и будутъ вѣрить въ истиннаго бога.

Съ этой же точки зрѣнія на урокахъ закона божія намъ преподается исторія евреевъ («священная исторія ветхаго завета») и даются представленія о еврейской литературѣ, ея характерѣ и значеніи. Попутно мы, согласно традиціи, узнаемъ, кто и когда составилъ отдѣльные произведенія ветхозавѣтной литературы; но долго на этомъ мы не останавливаемся, ибо разъ даже каждое слово внушено свыше духомъ божіимъ, то какое значеніе могутъ имѣть имя лица, писавшаго по указаніямъ духа, и дата его жизни? И, окончивъ школу, мы часто вспоминаемъ эти уроки, гораздо чаще, чѣмъ уроки латыни и греческаго языка. Одни изъ насъ, и таковыхъ большинство, быстро пропикаются религіознымъ индифферентизмомъ или скептицизмомъ; другіе сохраняютъ настолько наивности, чтобы продолжать вѣрять. Но и тѣ и другіе недалеко уходятъ другъ отъ друга по части представленія о еврейской литературѣ. Скептики, конечно, смѣются надъ прообразами и пророчествами, но нерѣдко продолжаютъ думать, что пятикнижіе составилъ Моисей, а псалмы—Давидъ, и не прочь иногда привести цитату изъ еврейской литературы, чтобы поставить втупикъ своихъ вѣрующихъ противниковъ. Последніе, понятно, первое время упорно защищаютъ традицію, а затѣмъ, не будучи въ силахъ

ее защищать и не имѣя возможности познакомиться съ протестантской критической школой, умѣющей сочетать воедино критическую науку и догматическую религію, бросаются въ изученіе метафизики, въ области которой скоро забываютъ о Давидѣ, и о Моисеѣ, и о Соломонѣ.

Если таковы представители нашей средней интеллигенціи, то что сказать о представителяхъ тѣхъ классовъ, которые по своему умственному развитію и образованію стоятъ ниже? Тамъ мы можемъ встрѣтить либо апріорную вѣру безъ оглядки, либо апріорный же атеизмъ безъ оглядки. Тамъ либо иронизируютъ, либо молятся. Тамъ еще менѣе путей, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи, для знакомства съ критическими научными взглядами на сущность и исторію еврейства и на происхожденіе христіанства. Однако, потребность эта тамъ едва ли не больше, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи. Послѣдняя такъ или иначе, какъ счастливая дочь буржуазіи, имѣетъ возможность вообще познакомиться съ тою или другою отраслью науки. Она уже, такъ сказать, интоксирована критическимъ ядомъ и по чутью можетъ угадать или почувствовать многое, даже не имѣя реальныхъ данныхъ въ своемъ распоряженіи. Напротивъ, въ низахъ рѣдко является возможность такой интоксикаціи. Наши образовательныя учрежденія, рассчитанныя на широкіе народные круги, вянутъ, не успѣвши расцвѣсть.

Пишущій эти строки желалъ бы, чтобы предлагаемый имъ очеркъ о псалмахъ помогъ всякому желающему ориентироваться въ вопросѣ о еврейской литературѣ и ея значеніи. Онъ далекъ, конечно, отъ указаннаго уже взгляда протестантскаго богословія, которое посредствомъ критической разработки ветхозавѣтной и новозавѣтной литературы хочетъ извлечь оттуда «вѣчное» и «всеобщее» и создать научно-обоснованную христіанскую религію. Поступать такъ значитъ подражать средневѣковой схоластикѣ, превращать науку въ служанку религіи. Авторомъ настоящаго очерка руководитъ только стремленіе къ научному познанію. Предъ лицомъ наукъ, въ извѣстномъ смыслѣ, нѣтъ разноцѣнныхъ величинъ, но всѣ одинаково равноцѣнны въ томъ смыслѣ, что каждая одинаково доступна ея изученію при помощи общепринятыхъ въ наукѣ методовъ. Съ этой точки зрѣнія наука должна смотрѣть и на еврейскую ли-

терагуру. Послѣдняя есть одна въ числѣ многихъ, какъ и еврейская и христіанская религія суть только индивидуальныя явленія определенной категоріи фактовъ. И наука перестанетъ быть сама собою, если она извѣстное индивидуальное явленіе возведетъ на степень «вѣчнаго» или «всеобщаго», какъ то дѣлаетъ протестантская критическая школа. Истинно религіозный человѣкъ никогда не согласится основывать свою вѣру на критикѣ человѣческаго разума—такимъ образомъ, унижая науку протестантская критическая школа не въ силахъ много помочь и религіи. Религія есть фактъ не разсудка, а чувства.

Почему для темы настоящаго очерка избранъ вопросъ о псалмахъ? Авторъ при этомъ выборѣ руководился цѣлымъ рядомъ соображеній. Ему хотѣлось избрать такое произведеніе еврейской литературы, которое, съ одной стороны, пользовалось бы болѣе широкой фактической извѣстностью (не только по наслышкѣ), чѣмъ другія, и которое, съ другой стороны, давало бы возможность болѣе или менѣе успѣшно оріентировать читателя вообще въ вопросахъ ветхозавѣтной критики; наконецъ, нужно было подыскать такое произведеніе, которое само по себѣ заслуживало бы ознакомленія. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворило бы пятикнижіе; однако, вопросъ о составѣ п времени происхожденія пятикнижія настолько сложенъ и предполагаетъ такую подготовку читателя, что въ первую голову трактовать его для нашей публики автору казалось рискованнымъ. Общею извѣстностью пользуется Іовъ; но книга, названная его именемъ, мало удовлетворяетъ второму условію, такъ какъ слабо связана съ остальною еврейскою литературою. Пророковъ у насъ знаютъ больше по именамъ, чѣмъ въ дѣйствительности; но писать о нихъ въ сущности значило бы написать всю исторію Израиля до плѣна. Оставались псалмы, вошедшіе, какъ неотъемлемая часть, въ составъ христіанскаго богослуженія; они много читаются и внѣ церкви. Въ то же время вопросъ о происхожденіи псалмовъ даетъ возможность освѣтить цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ библейской критики и исторіи, а сами псалмы являются типичными образцами еврейской поэзіи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ выдѣляются, какъ шедевры поэтическаго искусства. Въ виду послѣдняго, авторъ, въ заключеніе своего историко-критическаго очерка, предла-

гаетъ читателю краткія замѣчанія о технической сторонѣ еврейской поэзіи, а въ текстѣ даетъ опытъ научнаго перевода цитатъ изъ нѣсколькихъ выдающихся псалмовъ.

II. Внѣшній обзоръ книги псалмовъ.

Традиціонное мнѣніе таково, что, по крайней мѣрѣ, большая часть псалмовъ составлена царемъ-псалмопѣвцемъ Давидомъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, правильно ли такое представленіе; сейчасъ же приступимъ къ изслѣдованію вопроса о псалмахъ такъ, какъ будто бы намъ ничего о нихъ неизвѣстно, и какъ будто мы открываемъ книгу псалмовъ въ первый разъ. Въ противномъ случаѣ, если мы попытаемся примѣнить къ изслѣдованію вопроса о псалмахъ имѣющіяся у насъ отрывочныя традиціонныя свѣдѣнія, мы этимъ не только не облегчимъ, но лишь заградимъ себѣ дорогу.

Книга псалмовъ (*sepher tehillim*)—такъ называли раввины-талмудисты первую книгу третьей части еврейскаго канона, состоящаго изъ *закона* (*tora*—пятикнижіе), *пророковъ* (*nebhîim*—кн. Судей, Самуила, Царей и пророки, кромѣ Даніила) и *писаній* (*kethubhim*—остальные книги ветхаго завета). Итакъ, псалмы стоятъ во главѣ *kethubhim* и первоначально назывались, вѣроятно, по первому слову книги. Въ еврейскомъ текстѣ псалмы въ свою очередь дѣлятся на пять книгъ: 1—41, 42—72, 73—89, 90—106, 107—150. Въ греческомъ переводѣ LXX этого дѣленія нѣтъ, оно, повидимому, весьма поздняго, чисто богослужебнаго происхожденія, такъ какъ въ концѣ каждой изъ первыхъ четырехъ книгъ стоитъ одинаковое славословіе: «да будетъ благословенъ Ягве, богъ Израиля, вѣчно, аминь»; 150-ый же псаломъ является ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же славословіемъ, лишь болѣе подробно развитымъ. Далѣе, необходимо заранѣе оговориться относительно счета псалмовъ. Именно, при одинаковомъ общемъ числѣ псалмовъ (150), еврейскій текстъ и переводъ LXX, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, расходятся въ нумераціи отдѣльныхъ псалмовъ. 9 и 10 псаломъ еврейскаго текста у LXX составляютъ одинъ 9 псаломъ: слѣдовательно, послѣ этого псалма и до пс. 114 счетъ

LXX отстаетъ отъ счета еврейскаго текста на одинъ нумеръ, такъ что, напр., общеизвѣстные пс. 50 и 90 по еврейскому счету будутъ 51 и 91. 114 и 115 пс. въ переводѣ LXX слиты въ одинъ псаломъ (по счету LXX—113); 116 псаломъ, наоборотъ, раздѣленъ на два: 116, 1—9 = 114 LXX и 116, 10—19 = 115 LXX. Счетъ уравнивается снова на псалмѣ 147: 147, 1—11 = 146 LXX и 147, 12—20 = 147 LXX. Это замѣчаніе необходимо имѣть въ виду, такъ какъ въ очеркѣ принята обычная въ наукѣ нумерація оригинальнаго еврейскаго текста, и читателю, при справкахъ съ русскимъ псалтиремъ, придется производить самому указанную поправку нумераціи.

Если теперь мы обратимся къ отдѣльнымъ псалмамъ собранія, то, не останавливаясь пока на содержаніи, замѣтимъ, что каждый почти псаломъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, начинается примѣчаніями, не имѣющими никакой органической связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ псалмовъ. Эти примѣчанія различнаго рода. Во первыхъ, они указываютъ на имена, повидимому, авторовъ псалмовъ. Имя Давида стоитъ во главѣ 73 псалмовъ; имя Моисея—при пс. 90; имя Соломона при пс. 72 и 127; имя Асафа—при 12 псалмахъ, имя сыновъ Кора (Корах)—при 11 псалмахъ; имя Гемана, сына Езры—при пс. 88; имя Евана, сына Езры—при пс. 89. Эти обозначенія не всегда тверды: LXX приписываютъ Давиду еще 9 псалмовъ, отнимаютъ у Соломона пс. 127, въ пс. 137 рядомъ съ Давидомъ называютъ Іеремію, въ пс. 138—рядомъ съ Давидомъ Аггея и Захарію и приписываютъ послѣднимъ еще псалмы 146—148. Далѣе, начальныя примѣчанія указываютъ разрядъ произведенія. Это или *tehillā* (пс. 145)—*хвалебная пѣснь*, *terhillā* (пс. 90, 102, 142)—*молитва*, или *schir*—*пѣснь*, въ цѣломъ рядѣ псалмовъ, или *mizmor* (такъ обозначены 53 псалма)—*пѣснь*, но специально религіознаго содержанія. Иногда указывается на пѣвъ, по которому псаломъ слѣдуетъ пѣть, причемъ обозначается пѣснь, на пѣвъ которой долженъ служить образцомъ: таковы указанія на пѣснь о лани и утренней зарѣ въ пс. 22, на пѣснь о голубкѣ на далекомъ Теревинѣ въ пс. 56 и на пѣснь о лпльяхъ въ пс. 45 и 49. Часто обозначаются инструменты, которые должны служить для аккомпанимента. Есть цѣлый

рядъ литургическихъ указаній, очень темныхъ. Наконецъ, каждый изъ 15 псалмовъ подрядъ (120 — 134) обозначенъ, какъ *schir hammahaloth*—пѣснь во время паломничества, пѣснь пилигримовъ. Есть при нѣкоторыхъ псалмахъ указанія историческаго характера. Эти указанія мы рассмотримъ при случаѣ въ слѣдующей главѣ.

Что еще можетъ дать внѣшній обзоръ книги псалмовъ? Не входя даже въ разсмотрѣнїе содержанія псалмовъ, мы уже видимъ, что книга составилаь по частямъ, изъ болѣе раннихъ собраній. Такихъ собраній можно различать нѣсколько. Наиболѣе ясно и безспорно выдѣляются три собранія: 1) собраніе псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Давида, именно почти всѣ псалмы 1 книги, за исключеніемъ пс. 1, 2, 10 (который первоначально, какъ видно изъ текста LXX и технического построенія псалма, составлялъ одно цѣлое съ псал. 9) и 33 и слѣдующіе псалмы 2 книги: 51—65, 68—70, причемъ въ заключеніе 2 кн. говорится: «кончились молитвы Давида, сына Исаа»; 2) собраніе псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Асафа: 50; 73 — 83 3) собраніе пѣсней пилигримовъ, указанное выше. Различаютъ еще собранія, но за предѣлами трехъ указанныхъ группъ поле безспорнаго кончается и начинаются уже споры.

Это первое общее заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ внѣшняго обзора псалмовъ. Второе общее заключеніе состоитъ въ томъ, что книга псалмовъ въ ея теперешнемъ видѣ есть собраніе богослужебныхъ пѣсней, исполнявшихся хоромъ, подъ аккомпаниментъ различныхъ инструментовъ во время богослуженія въ храмѣ. При этомъ нѣкоторые псалмы имѣли специальное назначеніе, напр. пс. 3—утренняя пѣснь, пс. 4—вечерняя пѣснь, пс. 30—на праздникъ освященія храма, пс. 81—на праздникъ кущей и др. Такое же впечатлѣніе оставляетъ въ насъ и бѣглое знакомство съ содержаніемъ псалмовъ. Только одинъ псаломъ, 45, свѣтскаго содержанія—это свадебный гимнъ въ честь царя. Всѣ остальные псалмы въ большей или меньшей степени окрашены религіознымъ характеромъ. При этомъ мы замѣчаемъ нѣсколько псалмовъ, составленныхъ по поводу историческихъ событій: пс. 137—эпохи плѣна, пс. 74, 79—во время осады города (Іерусалима) и нѣк. другіе; далѣе, черезъ

всю книгу проходить весьма многочисленная группа псалмовъ, жалующихся на счастье грѣшниковъ, которые преслѣдуютъ и мучаютъ праведныхъ, напр. пс. 36—40, 54—59, 71, 76, 77, 86, 90 и мн. др. Наконецъ, двѣ группы псалмовъ имѣютъ чисто богослужебное содержаніе: это хвалебныя (halleluja) пѣсни 146—150 и нѣк. др. Остальные псалмы такъ или иначе трактуютъ религіозные вопросы.

Послѣ этого бѣлаго обзора псалмовъ, весьма сухого, но необходимаго для дальнѣйшей оріентировки, мы переходимъ къ детальному разбору вопросовъ о времени происхожденія и характерѣ псалмовъ.

III. Вопросъ о псалмахъ Давида и его пѣвцовъ.

На чемъ основывается традиція, приписывающая всѣ псалмы или бѣольшую ихъ часть Давиду? Прежде всего на обозначеніяхъ имени Давида, далѣе, на томъ, что всѣ псалмы, ничѣмъ именемъ не обозначенные, принадлежать ему же, наконецъ, его же считаютъ духовнымъ отцомъ и псалмовъ, обозначенныхъ именами Асафа, сыновъ Кора, Еоана и Гемана, такъ какъ по I Хроникъ XV, 17 *) Асафъ былъ начальникомъ хора при Давидѣ, и Давидъ же организовалъ пѣвческую часть при богослуженіи, такъ что послѣдующіе хормейстеры и музыканты, сыны Кора, Еоанъ и Геманъ ведутъ свою родословную изъ временъ Давида. Самъ Давидъ былъ хорошимъ музыкантомъ, и традиція приводитъ нѣсколько пѣсней, составленныхъ имъ.

Если бы можно было полагаться на обозначенія именъ, или, говоря иначе, если бы можно было непреложно установить, что эти обозначенія указываютъ на авторовъ псалмовъ, то вопросъ объ ихъ эпохѣ былъ бы рѣшенъ. Но къ сожалѣнію, мы сейчасъ увидимъ, что эти обозначенія крайне ненадежны.

Въ предшествующей главѣ мы указывали, что эти обозначенія блуждаютъ: еврейскій текстъ и переводъ LXX приводятъ ихъ иногда при различныхъ псалмахъ. Однако, признаемъ это блужданіе не столь существеннымъ и рассмотримъ эти обозначенія поближе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе

*) Въ перев. LXX кн. Хроникъ называется кн. Параллпоменонъ.

грамматическая конструкція. Въ еврейскомъ языкѣ склоненій нѣтъ, и для обозначенія имени якобы автора псалма при всѣхъ именахъ употребленъ предлогъ *le* (*mizmor le'dawidh*, *le'asaph*, *libene korah*). Толкуютъ это *le*, какъ *le auctoris*; но нигдѣ, кромѣ псалмовъ, такое употребленіе предлога *le* не имѣетъ мѣста. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что это *le* надо толковать иначе. Согласимся, что доводы противниковъ *le auctoris* неубѣдительны и допустимъ на минуту, что *le* указываетъ на автора псалма. Возьмемъ псаломъ 5, обозначенный *le dawidh*; въ ст. 8 читаемъ: «я долженъ пасть вѣнцъ въ страхѣ передъ тобой (Ягве), передъ твоимъ святымъ храмомъ»; въ пс. 138, 2 повторяется почти буквально та-же фраза; пс. 63, 3 и 69, 10 также содержатъ указанія на храмъ. Какъ мы знаемъ, храмъ былъ впервые построенъ лишь при преемникѣ Давида, Соломонѣ. Возьмемъ пс. 14 и 51, также обозначенные именемъ Давида. И тотъ и другой псаломъ написаны въ эпоху плѣна; авторы ихъ мечтаютъ о возстановленіи Сіона и храма, лежащихъ въ развалинахъ (14, 7 и 51, 20—21). Очевидно, эти псалмы не могутъ принадлежать Давиду. Пс. 74, обозначенный *le'asaph* изображаетъ Іерусалимъ и храмъ, разоренные языческими врагами—ситуацію, при Давидѣ не имѣвшую мѣста; та же самая ситуація изображена въ пс. 79, 80 и 83, также обозначенныхъ *le'asaph*. Эти примѣры показываютъ, что обозначенія именъ крайне ненадежны, во всякомъ случаѣ не исходятъ отъ авторовъ псалмовъ, а прибавлены чужою рукою, по всей вѣроятности тою же, которая прибавила литургическія и музыкальныя примѣчанія. Въ подлинности указаній на имена сомнѣвался еще Федоръ Мопсуетскій (церковный писатель IV в.), и подъ влияніемъ его авторитета въ сирійскомъ переводѣ библіи (т. наз. *Peschita*) еврейскія примѣчанія опущены и замѣнены заглавіями, сообразно съ содержаніемъ псалмовъ. Приходится отказаться отъ попытки положиться на обозначенія именъ и прибѣгнуть къ какому либо иному методу.

Для того, чтобы окончательно рѣшить, имѣлъ ли Давидъ или его современники какое-нибудь отношеніе къ составленію псалмовъ, или слѣдуетъ искать корни ихъ въ другой эпохѣ, намъ прежде всего необходимо познакомиться съ самимъ Давидомъ, религіозными учрежденіями и характеромъ религіи его

эпохи и сопоставить полученные результаты съ содержаніемъ псалмовъ. Для этой цѣли обратимся къ I и II кн. Самуила (по терминологіи LXX—I и II Царствъ) и къ I кн. Царей (у LXX—III Царствъ), гдѣ использованы народныя преданія о Давидѣ и лѣтопись, которая велась при его дворѣ ¹⁾).

Это было за 1000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Израильскій народъ долженъ былъ вести тяжелую борьбу за существованіе въ странѣ Кенаанъ, гдѣ онъ поселился лѣтъ 250 тому назадъ. Израиль еще не представлялъ изъ себя единого народа и царства. Онъ распадался на цѣлый рядъ племенъ («колѣнъ»), имена которыхъ послѣдующая легенда присвоила сыновьямъ прародителя израильскаго народа, Іакова, прозваннаго будто бы Израилемъ. Племена враждовали между собою и соединялись только во время опасности. Незадолго до 1000 года до Р. Х. такая опасность была и притомъ весьма грозная. Родственное евреямъ племя филистимлянъ покорило сѣверныя еврейскія племена и обложило ихъ тяжелою данью. Противъ нихъ поднялось возстаніе подъ начальствомъ молодого царя Саула и его сына Іонаана. Саулъ выдвинулся впервые побѣдой надъ аммонитянами (I Сам. 11), послѣ чего въ Гилгалѣ народъ провозгласилъ его царемъ. Подъ предводительствомъ Саула и Іонаана Израиль свергнулъ филистимское иго; благодаря этому, Саулъ сдѣлался независимымъ царемъ надъ сѣверными племенами. Таково происхожденіе царской власти у евреевъ.

Какъ мы видимъ, происхожденіе ея чисто военное, вполне аналогичное происхожденію постоянной королевской власти у германцевъ. Функція царской власти были также исключительно военныя: Саулу пришлось всю жизнь бороться противъ филистимлянъ, не желавшихъ такъ скоро потерять данника; въ концѣ концовъ онъ и погибъ въ этой борьбѣ (I Сам. XXXI). И помимо этого, цѣлый рядъ указаній свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ Саула мы имѣемъ дѣло не столько съ царемъ въ государственно-правовомъ смыслѣ, сколько съ военнымъ вождемъ, выдвинутымъ силою обстоятельствъ и принужденнымъ опираться не на наслѣдственное или иное право, но исключительно на личное вліяніе, создаваемое положеніемъ среди Израиля рода Саула и его личными заслугами. Отецъ Саула, Кисъ, изъ племени Веніамина, былъ родовитый и богатый че-